

В помощь изучающим русский язык

Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов

Надежда Константиновна Онипенко, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), onipenko_n@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030107

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается объяснение правил пунктуационного оформления препозитивных атрибутивных оборотов, дается комментарий к соответствующему разделу Свода орфографических и пунктуационных правил РАН. Проблема обособления решается в связи с категорией таксиса и категорией определенности/неопределенности. Обособление является средством выражения зависимой предикативности, что связано с наличием добавочных связей между оборотом и сказуемым. Условием появления второго направления связей и добавочных обстоятельственных значений между основным и зависимым предикатами называется таксис, понимаемый как техника межпредикативного взаимодействия. Второй аспект проблемы обособления — семантика определяемого слова, к которому относится оборот. Правила обособления атрибутивных оборотов соотносятся с правилами обособления оборотов при местоимениях, что позволяет показать значение референциального статуса определяемого имени для разграничения атрибутивных и предикативно-атрибутивных отношений. В безартиклевом русском языке категория определенности/неопределенности обнаруживает себя в правилах обособления препозитивных оборотов в абсолютном начале предложения: условием обособления в этой позиции является конкретно-референтность определяемого слова (его известность из предшествующего текста, его определенность и индивидуальность), запрет на обособление обусловлен

значениями неопределенности и обобщенности в значении именного компонента. Рассматриваются синонимические связи причастных и деепричастных оборотов в абсолютном начале предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, синтаксис, пунктуация, обособление, таксис, атрибутивный оборот, школьное преподавание, категория определенности-неопределенности, причастие, деепричастие

для цитирования: Онипенко Н. К. Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов // Русская речь. 2024. № 3. С. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724030107.

Learning Russian

Once Again about the Isolation of Prepositive Attributive Phrases

Nadezhda K. Onipenko, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), onipenko_n@mail.ru

ABSTRACT: The article offers an explanation of the rules for punctuation of prepositive attributive phrases and provides a commentary on the corresponding section of the Code of Spelling and Punctuation Rules of the Russian Academy of Sciences. The problem of detachment is proposed to be solved in connection with the category of taxis and the category of definiteness/indefiniteness. Detachment is a means of expressing dependent predicativity, which results from additional associations between the attributive phrase and the predicate. The condition for the appearance of these associations and additional adverbial meanings between the main and dependent predicates is taxis, understood as a technique of interpredicative interaction. The other aspect of the problem of detachment is the semantics of a defined noun or pronoun to which the phrase refers. The rules for detachment of attributive phrases defining a noun, correlate with the ones for pronouns, which makes it possible to show the significance of the referential status of a defined noun for distinguishing between attributive and predicative-

attributive relations. As the Russian grammar doesn't have articles, the category of definiteness/indefiniteness reveals itself in the rules for detachment of prepositive phrases at the absolute beginning of a sentence. The condition for detachment in this position is the concrete referential status of a noun being defined (its familiarity from the previous text, its definiteness and individuality). The prohibition on detachment is due to the values of uncertainty and generality in the meaning of the nominal component. The paper also considers synonymous relations between participial and gerund phrases at the absolute beginning.

KEYWORDS: Russian language, syntax, punctuation, detachment, taxis, attributive phrase, school teaching, category of definiteness/indefiniteness, participle, gerund

FOR CITATION: Onipenko N. K. Once Again about the Isolation of Prepositive Attributive Phrases. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724030107.

Поводом для этой статьи стали вопросы о существующих правилах обособления определительных оборотов (причастий с зависимыми словами и прилагательных с зависимыми словами). В Институт русского языка приходят письма, в которых задаются вполне резонные вопросы: почему один и тот же определительный (например, причастный) оборот, оказываясь в разных предложениях, ведет себя по-разному (в одних обособляется, а в других нет) и, более того, почему один и тот же оборот в одном и том же предложении может обособляться и не обособляться? Эти вопросы касаются правила, регулирующего знаки препинания при оборотах, стоящих перед определяемым словом, то есть при препозитивных оборотах.

Действительно, в «Правилах русской орфографии и пунктуации» есть правило, в рамках которого комментируются параллельные примеры с обособлением и без обособления: «*Окруженный зеленой изгородью дом привлек наше внимание* (слово *дом* включено в определительное словосочетание *окруженный зеленой изгородью дом*). — *Окруженный зеленой изгородью, дом не был виден издали* (определение обособлено, так как осложнено обстоятельством значением: так как был окружен зеленой изгородью); *Убранный в подполье урожаем обещал сытую зиму* (Цвет.). — *Убранный*

в подполье, урожай обещал сытую зиму (в первом случае определительный оборот не отделяется от определяемого имени; во втором случае оборот *убранный в подполье* обособлен от имени, такой оборот создает дополнительный причинный оттенок: так как был убран в подполье)» [Лопатин (ред.) 2009: 158]. В первой паре оборот попадает в разные предложения, во второй лексически ничего не меняется, различие находим лишь в интонационном и пунктуационном оформлении оборота. Внимательный читатель Правил в первой паре согласится с авторами, так как увидит функцию обособления — обнаружить причинно-следственные отношения между содержанием оборота и основной предикативной единицы, но пояснение ко второй паре его не убедит: причинный оттенок есть и в первом, и во втором примере, так зачем нужно обособление? Всегда ли обособление связано с наличием причинно-следственных отношений? И всегда ли обособление возможно?

Попытаемся дать ответы на эти вопросы внимательного читателя. Для того чтобы прояснить ситуацию, нужно обратить внимание на (1) интонацию и ударение в примерах с обособлением и без обособления; (2) семантику определяемого слова; (3) на синонимию препозитивных атрибутивных оборотов и деепричастных оборотов. Чтобы соединить все эти проблемы в одном объяснении, будем рассматривать препозитивные обороты (причастные и деепричастные) в абсолютном начале предложения, именно те, которые приводятся в качестве примеров при формулировке правил. При этом будем учитывать не только связь оборота с основным сказуемым данного предложения, но и смысловые отношения с предшествующим предложением.

И начнем с очень интересных наблюдений А. М. Пешковского, который впервые сформулировал «условия обособления», то есть выявил факторы, влияющие на интонационное обособление слов и словосочетаний внутри простого предложения. К этим факторам Пешковский отнес измененный порядок слов, объем оборота (наличие зависимых слов или соединение равнофункциональных членов предложения), наличие особых, добавочных связей со сказуемым или другим членом предложения, намеренное отделение какого-то члена предложения от соседствующего с ним, отнесенность к личному местоимению. При этом для Пешковского были важны наблюдения за интонацией данного предложения в конкретных речевых или текстовых условиях. Он считал, что пишущему не нужно искать каких-то «правил», поскольку «единственный возможный критерий здесь — произношение и что нужно только прочесть сочетание вслух и выбрать ту интонацию, которую желаешь внушить читателю» [Пешковский 2001: 425].

Из наблюдений А. М. Пешковского нас интересуют те, которые касаются обособления причастного оборота, стоящего в начале предложения и относящегося к подлежащему. В этой позиции возможен выбор причастия и деепричастия, деепричастие всегда обособляется, а причастие может обособляться и не обособляться. Именно эта синтаксическая позиция требует применения объяснительной синтаксической теории.

Анализируя пример из Пушкина (*Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям*), А. М. Пешковский писал: «Это обособление связано с особым произношением и той части предложения, которая следует за обособленной группой. Именно в ней подлежащее в этих случаях ритмически стушевывается, наименее ударяется, а наиболее ударяется тот член или те члены, с которыми преимущественно приводится в связь обособленное прилагательное» [Пешковский 2001: 427] (обособленным прилагательным Пешковский называл не только прилагательное, но и причастие). И далее читаем: «Если это особое, обозначаемое ритмом и интонацией соотношение по тем или иным причинам не создается, все особенности произношения отпадают: обособляющая интонация исчезает, подлежащее получает свое нормальное ударение, прилагательное со всеми своими членами ритмически примыкает к подлежащему» [Там же: 427–428]. Из этих высказываний следует, что существуют причины, по которым подлежащее может быть безударным, и причины, по которым подлежащее должно быть ударным, по которым оно не «отдает» свое ударение препозитивному причастию (или прилагательному) с зависимыми словами.

Рассмотрим еще пример из «Дубровского»: *Дело затянулось. Уверенный в своей правоте (?) Андрей Гаврилович мало о нем заботился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги...* Если мы хотим показать смысловые отношения между оборотом и группой сказуемого, то должны использовать «обособляющую интонацию» с ударением на обороте и безударным подлежащим, поскольку причинные отношения между оборотом и основным сказуемым здесь есть. Но у Пушкина обособления в этом предложении нет. Значит, что-то не позволяет подлежащему «ритмически стушевываться», сохраняет ударение на подлежащем. Это что-то мы находим в последующем контексте: *Со своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше затеянного им дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени.* В этом фрагменте Андрей Гаврилович и Троекуров сопоставляются и противопоставляются, и поэтому имена собственные должны быть параллельно ударными. Ударность подлежащих обусловлена текстовыми связями предложений. При этом и следующее подлежащее (*Шабашкин*) ударное: при нейтральном, неэкспрессивном порядке слов мы увидели бы это предложение

в таком варианте (*За него хлопотал Шабашкин, с ударением именно на имени собственном*).

Текстовые задачи определяют ударность существительных и в описательных фрагментах, поэтому препозитивные причастные обороты в описательных текстах часто не обособляются. См. примеры из текстов А. П. Чехова:

*Подул ветер, напоминающий о зиме. **Почерневший от непогоды лес** нахмурился и уже перестал манить под свою листву.*

*Знойный и душный полдень. На небе ни облачка... **Выжженная солнцем трава** глядит уныло, безнадежно: хоть и будет дождь, но уж не зеленеть ей... Лес стоит молча, неподвижно...*

*По опушке леса крадется маленький сутуловатый мужичонок, ростом в полтора аршина... Голенница сапог спустились до половины. **Донельзя изношенные, заплатанные штаны** мешками отвисают у колен и болтаются, как фалды. **Засаленный веревочный пояс** сполз с живота на бедра, а рубашу так и тянет вверх к лопаткам.*

При описании пространства (пейзаж, интерьер) или внешности человека (портрет) существительные являются частями общей темы; к каждой такой микротеме прибавляется своя добавочная (к основной) рема, что образует параллельную тема-рематическую структуру. Ударения на тематических существительных и задают этот параллелизм. Ударные подлежащие в описательных контекстах, несмотря на их принадлежность к теме, не упомянуты в предтексте, а значит, не являются в полной мере определенными, что также становится фактором, влияющим на ударность существительного. См. еще примеры из произведений Н. В. Гоголя:

*В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. **Закинутый гордо чуб** его захватывал на поларшина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице...;*

*Дождь, однако же, казалось, зарядил надолго. **Лежавшая на дороге пыль** быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку;*

*Дорога шла между разбросанными группами дубов и орешника, покрывавшими луг. Отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, иногда перемежевывали равнину. **Показавшаяся в двух местах нива** с вызревающим жито́м давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня.*

См. примеры описательных фрагментов из стихотворений И. Бродского, в которых мы также видим отсутствие препозитивного обособления при ударном существительном:

Изваянные в мраморе сатиры
и нимфа смотрят в глубину бассейна,
чья гладь покрыта лепестками роз.

Потерявший изнанку пунцовый круг
замирает поверх черепичных кровель,
и кадык заостряется, точно вдруг
от лица остается всего лишь профиль.

Повисший над пресным каналом мост
удерживает расплывчатый противоположный берег
от попытки совсем отделиться и выйти в море.

Раскрашенная в цветá зари собака
лает в спину прохожего цвета ночи.

Во всех приведенных примерах причастие с зависимыми словами и определяемое существительное находятся в одной строке. Если бы определяемое существительное стояло в другой строке, то мы не смогли бы говорить об интонационной целостности атрибутивного причастного оборота и определяемого им существительного, поскольку основную роль в интонационном оформлении играла бы тогда стихотворная техника деления синтаксической конструкции между строками.

В поэтическом тексте автор может интонационно выделить оборот, поместив его в отдельную строку, а существительное — в другую строку:

Взбаламутивший море
ветер рвется как ругань с расквашенных губ
в глубь холодной державы,
заурядное до-ре -
ми-фа- соль-ля-си-до извлекая из каменных труб. (И. Бродский)

Рассмотрим еще пример из стихотворения И. Бродского «Каппадокия»

Залитое луной,
войско уже не река, гордящаяся длиной,
но обширное озеро...

В этом фрагменте поэт не только разделяет оборот и существительное строками, но и ставит запятую, то есть указывает за синтаксическое обособление препозитивного оборота. Это обособление можно объяснить

действием двух категорий: категории определенности и категории времени. В первой строфе стихотворения читаем:

*Армия издалека
выглядит как извивающаяся река,
чей исток норовит не отставать от устья,
которое тоже все время оглядывается на исток.*

Армия (войско) Митридата идет в Каппадокию, чтобы вступить в битву с римскими легионерами Суллы. Сначала мы видим войско на марше (1-я строфа), а потом остановившимся на ночлег (3-я строфа). Таким образом, слово *войско* в интересующем нас примере называет то, что уже известно из предшествующего текста, то есть несет на себе семантику определенности. См. подобный пример из прозаического текста:

*Из глубины цеха медлительно и неуклонно текла широкая лента главного конвейера. Течение ее казалось таким же заданным из века, как течение большой реки. **Залитый солнечным светом**, конвейер двигался, притягивая и подчиняя себе всех и все... (Г. Е. Николаева, Битва в пути).*

Если же существительное называется в первый раз, то оно не может «отдать» ударение, как, например, в описании одной из картин Дж. Констебля:

*В данном случае Констебль представил тихий теплый день на берегу реки Стур. Плотники и судостроители только что разошлись на обед, и рядом со строящейся баржей остался один человек. **Освещенная ярким солнцем большая лодка**, предназначенная для того, чтобы возить муку с мельницы в Лондон, показана с прежде не свойственной английскому мастеру точностью, в то время как деревья и долина реки изображены менее детально (Т. Акимова, Музей Виктории и Альберта. Лондон).*

Возвратимся к примеру из стихотворения «Каппадокия». В этом примере есть и еще один фактор, влияющий на обособление: это — категория времени, что квалифицируется в справочниках по пунктуации как «добавочные обстоятельственные отношения». Сначала войско выглядело как река, а потом, спустя некоторое время, превратилось в озеро. На основе временной семантики нередко возникают и причинно-следственные отношения: причастный оборот *залитое луной* можно прочитывать как причину. Но это не непосредственная причина, так как войско стало выглядеть как озеро ночью, когда остановилось на ночлег.

В качестве доказательства добавочных обстоятельственных отношений обычно используется подстановка деепричастия *будучи*; см., например, в тексте «Правил русской орфографии и пунктуации»: **Написанная предельно просто и точно**, новая книга, по словам Константина Воробьева,

должна стать «кардиограммой сердца» (В. В. Воробьева). Ср.: *Будучи написанной предельно просто и точно, новая книга... должна стать «кардиограммой сердца»* [Лопатин (ред.) 2009: 158]. Подстановка деепричастия *будучи* является доказательством полупредикативности препозитивного оборота, то есть наличия имплицитных модального и временного значения, на основе которых и появляются добавочные причинно-следственные отношения.

Однако в примере из стихотворения И. Бродского нет собственно причины: дело не в причине, а в наличии изменения во времени: днем это река, а ночью — озеро. Это сопоставление возможно при наличии значения определенности в именной группе.

Существительное с семантикой определенности позволяет вынести на первый план собственно временные и/или причинно-следственные отношения между оборотом и основным сказуемым:

Прежде Юргин видел свое будущее почему-то неясно, в отдельных деталях, как если бы смотрел на картину, написанную маслом, при сумеречном свете; теперь, освещенное любовью к Лене, будущее сверкало всеми красками, и он мог говорить о нем без конца, как это могут делать знатоки живописи о любимой картине (М. Бубеннов, Белая берега);

Заполненная людьми, квартира похорошела, все уже не так кричало о ремонте, и Нина осчастливилась, отбросила сомнения, которые ее терзали (А. Слапковский, Ремонт).

Пример из стихотворения «Каппадокия» и два последних прозаических фрагмента свидетельствуют о том, что условием обособления (выделения посредством ударения и паузы атрибутивного оборота), а также условием появления добавочных обстоятельственных отношений между оборотом и основным сказуемым оказывается семантика определяемого слова — его известность из предшествующего текста.

Если мы еще раз сравним примеры из «Правил» 2009 г.: «Окруженный зеленой изгородью дом привлек наше внимание (слово *дом* включено в определительное словосочетание *окруженный зеленой изгородью дом*). — *Окруженный зеленой изгородью, дом не был виден издали* (определение обособлено, так как осложнено обстоятельственным значением: так как был окружен зеленой изгородью), то станет ясно, что в случае с обособлением о существовании дома говорящему было известно заранее. См. текстовый пример, из которого понятно, что обособление оборота оказывается востребованным тогда, когда существительное было уже названо:

После этих домиков дорога поворачивала налево, оставляя позади два дома:<...> второй дом, ближе к обрыву, с виду напоминал охотничий. Он полностью был построен из дерева. <...> Расположенный недалеко от

моего участка, дом не был виден из-за деревьев, но каким-то странным образом манил к себе (Л. Риттиева, Игра).

См. аналогичные примеры:

Особым событием, как было обещано, явилось посещение показательного дома колхозника. **Окруженный виноградным садом и мандариновыми деревьями, дом** был, мягко говоря, не совсем обычный для колхозника: огромный, красивый... (А. Тарасов, Миллионер);

Мы подходим к стоящему на холме светлому зданию. **Окруженный белыми снегами под синим небом, дом** выглядит изящным, безмолвно взирая огромными оконными проемами на копошащихся строителей (Л. Залесова-Докторова, Прогулка по Павловску с Сергеем Гутцайтом).

Понятно, что при таком повторе употребляется и анафорическое местоимение — либо указательное, либо личное 3-го лица:

Тихая августовская ночь. С поля медленно поднимается туман и матовой пеленой застилает всё, доступное для глаза. **Освещенный луною, этот туман** дает впечатление то спокойного, беспредельного моря, то громадной белой стены (А. П. Чехов, Мертвое тело);

В 1682 году, среди этих непроходимых лесов, на старой Мещовской дороге стоял, близ речки Брыни, верстах в шестидесяти от ее впадения в реку Жиздру, постоялый двор. **Окруженный со всех сторон дремучим лесом, он** был единственным приютом для проезжих (М. Н. Загоскин, Брынский лес);

Это, впрочем, не дом, а домик. **Он** мал, в один маленький этаж и в три окна, и ужасно похож на маленькую, горбатую старушку в чепце. **Оштукатуренный в белый цвет, с черепичной крышей и ободранной трубой, он** весь утонул в зелени шелковиц, акаций и тополей, посаженных дедами и прадедами теперешних хозяев. Его не видно за зеленью. Эта масса зелени не мешает ему, впрочем, быть городским домиком (А. П. Чехов, Приданое).

И здесь мы переходим к другому пункту правила обособления: при личном местоимении определительный оборот обособляется всегда [Лопатин (ред.) 2009: 159]. Личное местоимение всегда указывает на известное, определенное — либо из речевой ситуации, либо из предшествующего текста:

Но Пугачев не имел уже намерения идти на старую столицу. **Окруженный отовсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он** уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию (А. С. Пушкин, История Пугачева).

Обособление повышает смысловой статус причастия, что необходимо тогда, когда причастие встраивается в сюжетную или логическую последовательность, то есть выражает не собственно фоновое, а сюжетно значимое положение дел:

Извлеченный на берег самоубийца сопротивлялся Рюмину лениво, без всякого одушевления. Брошенный сильной рукой художника на песок, он встал, отряхнулся и, потупившись, сунул художнику в руку свою мокрую ладонь. — Пампасов! — сказал он вежливо. — Каких пампасов? — изумленно спросил Рюмин. — Это я — Пампасов. Нужно же нам познакомиться (А. Т. Аверченко, Камень на шее).

В приведенном фрагменте два препозитивных причастных оборота: первый не обособлен, поскольку для автора важно сохранить ударение на существительном *самоубийца*, чтобы сделать скрытый намек для читателей, что незнакомец, возможно, симулирует самоубийство (что выяснится в конце рассказа). Уступительные отношения возникают именно между словом *самоубийца* и группой основного сказуемого, в которой наречие и предложно-падежная форма выражают нехарактерное для самоубийцы поведение. Второй оборот обособлен. Это обособление необходимо потому, что причастие выражает действие героя, встроенное во временную последовательность событий: сначала Рюмин бросил незнакомца на песок, потом тот встал, отряхнулся и вежливо представился. И местоимение здесь необходимо именно потому, что оборот должен быть обособлен.

Если у героя есть имя собственное, то обособление при повторе имени вполне закономерно:

В салоне воздушного корабля безмятежно спал Евгений Лукашин, прижимая к груди портфель с березовым веником. А через час сердобольный попутчик уже вводил Лукашина, который мешком висел на его руке, в зал ожидания Ленинградского аэровокзала. <...> Брошенный попутчиком, Лукашин приоткрыл глаза, с надеждой поискал друзей, но их нигде не было видно (Э. Рязанов, Э. Брагинский, Ирония судьбы, или С легким паром).

Итак, добавочные обстоятельственные отношения и, следовательно, обособление оборота возможны тогда, когда определяемое имя или местоимение характеризуется определенностью (конкретной референтностью). При этом в контексте не должно быть параллельно ударных именных групп. Если же существительное является способом неопределенной номинации (человек в пальто, прохожий, приезжий, неизвестный господин,

гость, посетитель и др.), то оно сохраняет ударение и препозитивный оборот при таких существительных не обособляется:

*Он уж перестал мечтать об устройстве имения и о поездке туда всем домом. **Поставленный Штольцем управляющий** аккуратно присылал ему весьма порядочный доход, к Рождеству мужики привозили хлеба и живности, и дом процветал обилием и весельем* (И. А. Гончаров, Обломов);

***Деревянно шагавший человек** с подвязанным лицом быстро зашагал к убитой змее, взглянул на нее и всплеснул своими палкообразными руками* (А. П. Чехов, Степь);

***Возвышавшийся перед оркестром человек во фраке**, увидев Маргариту, побледнел, заулыбался и вдруг взмахом рук поднял весь оркестр* (М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Подведем итог. Обособление — это один из способов смысловой организации текста. В абсолютном начале предложения оборот соотносится, во-первых, с опорным существительным, во-вторых, с основным сказуемым данного предложения, в-третьих, с содержанием предшествующего предложения, что имеет непосредственное отношение к выбору опорного слова (существительное или личное местоимение). Существительное может быть определенным, неопределенным или абстрактным, оно может обозначать конкретный, единичный предмет или всех представителей того или иного класса. Обособленный оборот, будучи встроенным в общий механизм связности текста, соединяется с личными местоимениями, конкретно-предметным определенными существительными (известными из предтекста), часто именами собственными, то есть теми существительными, которые могут быть безударными.

Для того чтобы решить, обособлять или не обособлять причастный или адъективный оборот перед определяемым словом, нужно (1) увидеть не одно предложение, а целый текстовый фрагмент; (2) прочитать его вслух и понять, где должно стоять ударение (на опорном существительном или на обороте), что, в свою очередь, связано (3) с семантикой определяемого слова (известностью/неизвестностью из предшествующего текста) или наличием параллельных ударений, указывающих на наличие сопоставительно-противительных отношений; (4) помнить, что причинно-следственные отношения между основным сказуемым и оборотом возможны лишь тогда, когда есть связь с движущимся временем, когда возможно какое-то изменение, например, состояния или качества, которое и становится причиной последующего действия. Синонимические связи атрибутивного оборота с деепричастным свидетельствуют о временном взаимодействии причастного (или адъективного) оборота с видо-временной формой основного сказуемого.

Литература

- Лопатин В. В. (ред.) Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2009. 480 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
-

References

- Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Handbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 480 p.
- Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.